

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КЕРАМИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ТОБОЛО-ИРТЫШЬЯ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Александр Сергеевич Зеленков

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
E-mail: qvimen@hotmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты морфологического анализа посуды населения Западной Сибири эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья. По программам В.Ф. Генинга и А.А. Бобринского обработано 168 сосудов. Выборка происходит из 14 могильников Тоболо-Иртышья, которые датируются широким хронологическим периодом – III/IV–IX вв: Козлов-Мыс-2, Устюг-1, Красноярский-IV, Ипкульский, Воденниково-I, Окунево-III, Усть-Тара-7, Переиминский, Долговское, Викуловское кладбище, Мурлинский I и II, Лихачевский, Бобровский. По результатам статистических анализов установлены определенные стандарты форм для бакальского, карымского и потчевашского типов керамики, что позволило сделать вывод о наследовании средневековыми племенами гончарных традиций от локальных групп населения раннего железного века – носителей саргатской, кулайской, богочановской, байтовской культур. Отклонения в отдельных параметрах форм свидетельствуют о динамичной трансформации гончарных навыков в части формообразования. В частности, подтверждено активное воздействие гончаров нижнеобской культуры на карымские и потчевашские традиции, и опосредованное их участие в сложении керамического производства бакальской культуры. Последняя, в свою очередь, в силу широкого распространения по лесостепи и на пограничье с южной тайгой Тоболо-Иртышья, находилась в перманентных контактах с карымскими и потчевашскими племенами, что отразилось в появлении синкретичных форм и форм-подражаний. Кроме того, подтверждены контакты между населением Урала и Западной Сибири, отразившиеся в распространении специфической кушнаренковской традиции, а также отдельных навыков формообразования общих для «бахмутинских»,¹ карайкуповских, бакальских и потчевашских, неволинских и карымских гончаров.

Ключевые слова: Западная Сибирь, бакальский, потчевашский, карымский, кушнаренковский типы керамики

Цитирование. Зеленков А.С., 2023. К вопросу о формировании керамических традиций Тоболо-Иртышья в эпоху раннего средневековья // Уфимский археологический вестник. Т. 23, № 1. С. 159–177. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.1.013>

Благодарности. Работа выполнена при поддержке РФФИ и Тюменской области, проект № 20-49-720001 «Роль миграций в историко-культурной динамике юга Западной Сибири в эпоху средневековья».

UDC 902.6/903.5/903.53/904

Submitted: 29.03.2023

LBC 63.4СТД1-6 (235.5)

Accepted: 28.05.2023

ON THE ISSUE OF THE FORMATION OF CERAMIC TRADITIONS IN THE TOBOL-IRTYSH REGION DURING THE EARLY MIDDLE AGES

Alexander S. Zelenkov

University of Tyumen, Tyumen, Russia

E-mail: qvimen@hotmail.com

Abstract. The article covers findings of the morphological analysis of the crockery studied with the methods of V.F. Gening and A.A. Bobrinsky. The goal is to determine common and specific patterns in pottery skills formed in the population of the Western Siberia in the Early Middle Ages. The studied set includes 168 vessels and is comprised with materials from 14 necropoleis dated 3rd/4th–9th centuries. They are found in the forest-steppe and south-taiga areas of Tobol-Irtysh region: Kozlov-Mys-2, Ustyug-1, Krasnoyarsky-4, Ipkulskiy, Vodennikovo-1, Okunevo-3, Ust-Tara-7, Pereiminsky, Dolgovskoe, Vikulovskoe Cemetery, Murlinsky 1 and 2, Likhachevsky, Bobrovsky. 34 vessels among the found ones are assigned to the Karymskoye ceramics, 68 vessels are assigned to the Bakal type, 38 vessels are assigned to the Potchevash type, 30 vessels are assigned to the Kushnarenkovo type. The calculations are compared with point diagrams, factor and main component analysis using Statistica 12 and MS Excel software. It is determined that ceramic traditions were formed in the forest-steppe and south-taiga areas of Tobol-Irtysh region on the multi-component basis and was influenced by population from the Northern Siberia taiga (Lower Ob Culture), South-Ural forest-steppe (Bakhmutinskaya Culture, Karayakupovo Culture) and Middle Kama region (Nevolino Culture). The key skills in shaping were borrowed

¹ Учитывая дискуссионность в исследованиях бахмутинских и турбаслинских древностей, употребляю в тексте определения Н.А. Мажитова [Мажитов, 1977. С. 41, 42], а сам термин в кавычках. В анализах использованы параметры, снятые с его иллюстраций [Мажитов, 1977. С. 201, 202. Табл. II, III].

by early medieval potters of Tobol-Irtysh from local population groups of the Early Iron Age. They are carriers of Sargat Culture, Kulay Culture, Bogochanovo Culture and Baitovo Culture. Besides, the study establishes intense impact of forest-steppe (Bakal, Karayakupovo, Bakhmutinskaya) traditions on pottery skills in the south taiga population of the Irtysh River area comprised with potchevash Culture carriers. Also, the research finds close relations between the forest (Karymskaya) and forest-steppe (Bakalskaya) groups of ceramics.

Keywords: Western Siberia, Bakalskaya, Potchevash, Karymskaya, Kushnarenkovo ceramic types

Citation. Zelenkov A.S., 2023. On the Issue of the Formation of Ceramic Traditions in the Tobol-Irtysh Region during the Early Middle Ages. *Ufimskij arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 23, no. 1, pp. 159–177 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.1.013>

Acknowledgements. The research was funded by RFBR and Tyumen Region, project number 20-49-720001 "The role of migrations in the historical and cultural dynamics of Western Siberia in the Middle Ages".

Введение

В археологии Западной Сибири довольно остро стоит вопрос об уровнях взаимодействия бакальского, потчевашского, карымского и кушнаренковского населения, а также их вклада в общую картину культурогенеза региона. Усиливает значение разработки данной проблематики систематические факты залегания разнокультурных сосудов в одних и тех же слоях поселений, а также погребениях. Существенным аргументом, позволяющим сегодня сравнивать друг с другом бакальные, потчевашские, карымские и кушнаренковские сосуды, является разработанная предшественниками типология керамики, выделенные ими устойчивые наборы морфологических и орнаментальных признаков для каждой керамической традиции.

Так, появление бакального типа керамики связывается с распространением в лесостепи Тоболо-Иртышья в III/IV–IX вв. одноименной культуры [Западная Сибирь..., 2022. С. 81–85]. Бакальные сосуды с округлым или плоским венчиком, горшковидных форм, изготовленные из ожелезненных глин с добавлением шамота и органики, орнаментированные в резной технике, при которой на изделия наносились сетчатые, семечковидные и наклонные фигуры [Матвеева, Берлина, Рафикова, 2008; Рафикова, 2011; Матвеева, Кобелева, 2013; Зеленков, 2016]. Ближайшие аналогии представлены в памятниках предшествующей саргатской культуры III в. до н.э.–III в. н.э., на что обращают внимание в своих работах Б.Б. Овчинникова [Овчинникова, 1987. С. 139–142], Н.П. Матвеева и Л.С. Кобелева [Матвеева, Кобелева 2013. С. 76], В.А. Морозов [Морозов, 2003. С. 166, 167], Е.М. Данченко [Данченко, Горькавая и др., 2001. С. 87] и Т.Н. Рафикова [Рафикова, 2011. С. 138]. В целом же, такие формы и декор можно считать традиционными в гончарном производстве лесостепного населения региона еще с конца эпохи бронзы – начала раннего железного века, и отмечаются для бархатовской [Аношко, 2007. С. 114–122; Зимины, Илюшина, 2013. С. 40–53; Илюшина, 2014. С. 97–101] и байтовской [Щембалюк, 2016. С. 12, 13] культур.

Карымский тип керамики массово распространен в памятниках таежного Приобья, где

представлен четырьмя основными группами [Чернцов, 1957; Федорова и др., 1991; Зыков, 2012; Борзунов, Чемякин, 2015]. В материалах южнотаежного Тоболо-Иртышья превалирует второй (фигурно-штамповой) тип, распространение которого связывается с миграцией отдельных групп нижнеобского населения на юг, по берегам рр. Тобол и Иртыш в IV–VI вв. [Западная Сибирь..., 2022. С. 103]. Происхождение карымской керамики традиционно связывается с наследием кулайской культуры, ее саровского этапа [Зыков, 2012], отмечается ее бытование в таежном Прикамье [Мельничук, Перескоков, 2013].

Керамика потчевашского типа характерна для культуры южнотаежного населения Ишимо-Иртышья VI–VIII вв. Это сосуды горшковидных форм с плоским или скошенным внутрь венчиком, изготовленные из ожелезненных глин с включениями шамота и органических растворов, орнаментированные чаще в гребенчатой и прочерченной техниках округлыми ямками, отисками короткой гребенки, прямоугольными штампами и вертикальными нарезами [Генинг и др., 1970; Мошинская, 1953; Могильников, 1987; Коников, 2007; Зеленков, 2020]. Самые ранние аналогии потчевашской керамике отмечаются в керамической продукции местного богочановского населения V–II вв. до н.э. [Данченко, 1996. С. 23–33, 52–59, 197], а также в раннесредневековых комплексах релкинской Томско-Нарымского Приобья [Чиндина, 1977. С. 130, 131; Чиндина, 1991. Рис. 17; Беликова, Плетнева, 1983. С. 118–123], нижнеобской [Зыков, 2012. Рис. 21], кушнаренковской и караякуповской Южного Урала [Иванов, 1999; 2008; 2009] культур.

Кушнаренковский тип керамики в основном распространен на территории Урало-Поволжья в памятниках VI–VIII вв. [Генинг, 1961; 1972; Матвеева Г.И., 1968; 2007; Мажитов, 1977; Казаков, 2007. С. 34–36]. Кушнаренковские сосуды кувшиновидных и горшечных форм с приплюснутым и шаровидным туловом, орнаментированы в ямочной, прочерченной и фигурной техниках. Появление данной керамики на территории Приуралья исследователи объясняли миграцией западносибирского населения во второй половине

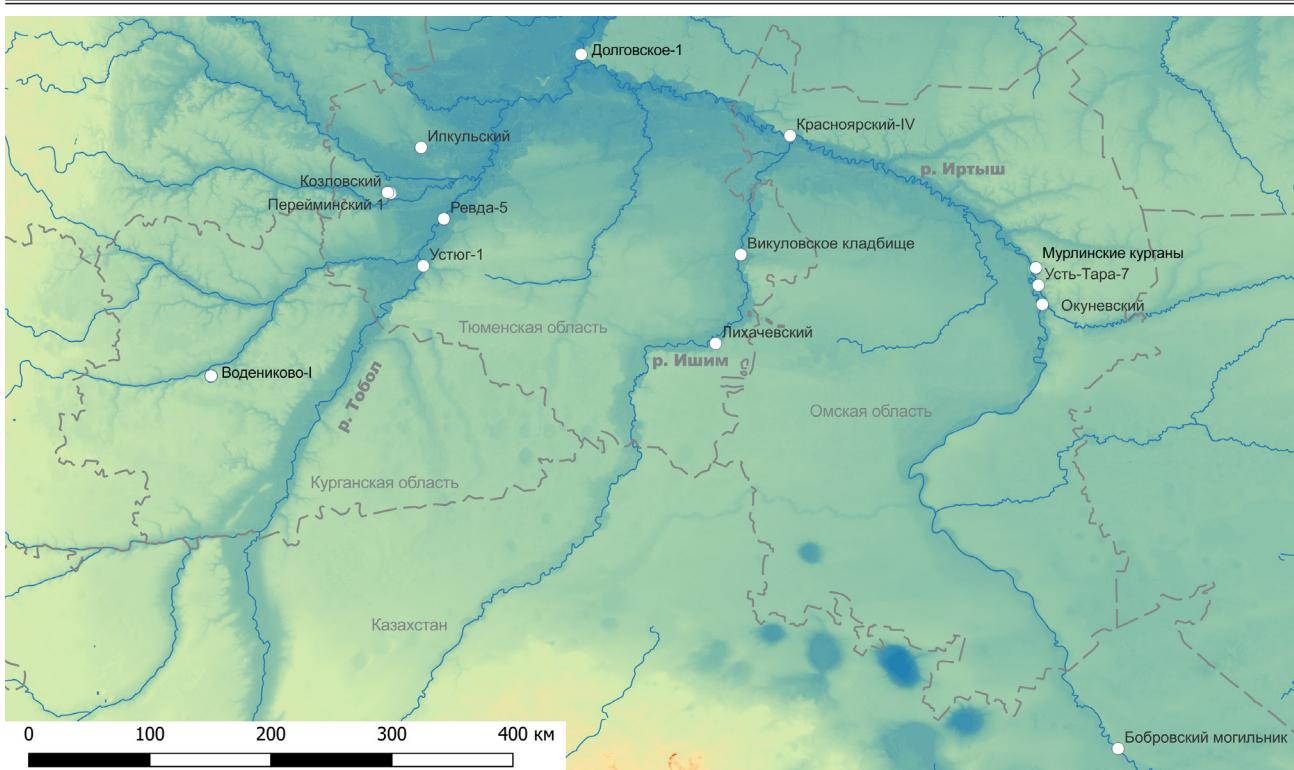

Рис. 1. Карта-схема могильников Тоболо-Иртышья III/IV–IX вв. н.э.

Fig. 1. Map of Burial Grounds in Tobol-Irtysh Region in 3rd/4th–9th Centuries

VI в. из лесостепи и южной тайги Тоболо-Иртышья вследствие военно-политической деятельности Тюркских каганатов. Основными результатами исследований последних десятилетий являются создание верифицируемых баз данных с дискретной статистикой [Казанцева, Ютина, 1986; Иванов, 1999; 2008; 2009; Султанова, 2000; Матвеева, Берлина, Рафиков, 2008; Зеленков, 2015; Матвеева, 2021], объективизация интерпретаций степени сходства разнокультурных групп керамики Урало-Сибирского региона [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009].

Несмотря на существенный задел по изучению каждого отдельного типа керамики Западной Сибири, вплоть до недавнего времени не было представительной источниковой базы для их сравнения. В настоящей работе мы представляем результаты сравнительно-статистического анализа целых форм сосудов из могильников Западной Сибири с целью поиска признаков, отражающих специфику формирования бакальской, потчевашской, кушнаренковской и карымской гончарных традиций III/IV–IX вв.

Источники

Общая выборка исследования (табл. 2) составляет 168 сосудов: 34 – карымского, 68 – бакальского, 38 – потчевашского и 30 – кушнаренковского

типов из 14 могильников лесостепного и южнотаежного Тоболо-Иртышья (рис. 1). Дополнительно привлечены результаты расчетов индекса пропорциональности керамики Прикамья и Южного Урала, в частности, Бродовского, Верх-Саинского, Неволинского [Голдина, Водолаго, 1990], Бирского, Манянского, Кушнаренковского и Лагеревского [Мажитов, 1977] могильников, ранее опубликованные [Зеленков, 2017];² статистические данные по кушнаренковской и карайкуповской керамике Приуралья, опубликованные В.А. Ивановым [Иванов, 1999. С. 51, 52. Табл. 6].³

Методика

Анализ морфологии сосудов производился с использованием двух методик. Основу первой составил набор формализованных инструментов по В.Ф. Генингу [Генинг, 1973; 1992], позволивший качественно описать количественные и размерные характеристики структурных частей сосудов: диаметры по верхнему краю венчика (P1) и основанию шейки (P2), тула (P3), дна (P4); высота общая сосуда (P5), шейки (P6), плечика (P7) и придонной части (P8). С их помощью выявлялась принадлежность отдельных структурных частей сосуда к определенной категории размера при вычислении соответствующих им показателей.⁴

² Данные введены при построении рис. 7, а. По программе А.А. Бобринского не обработаны карайкуповские сосуды, в связи с чем они отсутствуют на графике.

³ Данные введены при построении рис. 7, б. На графике отсутствуют «бахмутинский» и неволинский типы, что связано с недостатком опубликованных данных.

⁴ ФА – высотный (P5/P3); ФБ – высотногорловинный (P6/P1); ФВ – широтногорловинный (P1/P3); ФГ – профилировка шейки (((P1-P2)*5)/P6); ФД – высотный тула (P7+P8)/P3); ФЕ – высотный плечика (P7/P8); ФЖ – выпуклость плечиков ((P3-P2)/(P7*2)); ФИ – ширина дна ((P3 - P4)/(P8*2)).

Таблица 1
Общая характеристика морфологических признаков погребальной
посуды разных традиций Тоболо-Иртышья

Table 1
General Characteristics of Morphological Features of Burial Crockery of Different Tobol-Irtysh Area Traditions

Признак	Параметр	карымская	бакальская	потчеванская	кушнаренковская
ФА (высотный указатель)	очень низкий	0,0	0,0	0,6	0,0
	низкий	17,6	19,4	11,5	0,6
	средний	1,8	17,6	9,7	15,2
	высокий	0,6	0,0	0,0	1,8
	очень высокий	0,0	0,6	0,0	0,6
ФБ (высотно-горловинный указатель)	очень низкогорлые	0,0	0,6	0,0	0,0
	низкогорлые	15,2	20,0	4,8	0,0
	среднегорлые	4,2	15,8	13,3	1,8
	высокогорлые	0,0	1,8	3,6	9,1
	очень высокогорлые	0,6	0,0	1,2	7,9
ФВ (широтногорловинный указатель)	очень узкогорлые	0,0	0,0	0,0	0,0
	узкогорлые	0,0	0,0	0,0	3,0
	средние	0,6	1,8	1,2	7,9
	широкогорлые	18,8	33,3	20,6	2,4
	очень широкогорлые	0,0	0,6	0,0	0,6
ФГ (профилировка шейки)	с наклоном внутрь	17,0	18,2	7,3	6,1
	слабопрофицированная	1,8	16,4	13,9	9,7
	средне	0,0	0,0	0,0	0,0
	сильно	0,6	0,0	0,0	0,6
	очень сильно	0,0	0,0	0,0	0,0
ФД (высотный туло́ва)	сильно приплощнутое	4,2	1,2	1,8	0,0
	приплощнутое	14,5	33,9	18,2	12,1
	округлое	0,6	3,0	1,2	5,5
	вытянутое	0,0	0,0	0,0	0,0
	сильно вытянутое	0,0	0,6	0,0	0,6
ФЕ (высотный плечика)	очень низкое	0,0	0,0	0,6	0,0
	низкое	0,6	0,0	0,0	0,0
	среднее	2,4	19,4	5,5	12,7
	высокое	9,7	16,4	8,5	5,5
	очень высокое	7,3	3,6	8,5	0,0
ФЖ (выпуклость плечика)	очень слабовыпуклые	2,4	3,0	4,2	0,6
	слабовыпуклые	13,3	23,6	13,3	1,2
	средневыпуклые	3,0	10,9	4,2	13,3
	сильновыпуклые	0,0	1,2	0,0	1,8
	очень сильновыпуклые	0,0	0,0	0,0	0,6
пропорциональность	низкие	2,4	0,0	0,0	0,0
	низкие-средние	11,5	14,5	7,3	0,0
	средние	2,4	18,2	10,9	3,0
	средние-высокие	0,6	3,0	3,0	10,3
	высокие	0,6	0,0	0,6	4,2

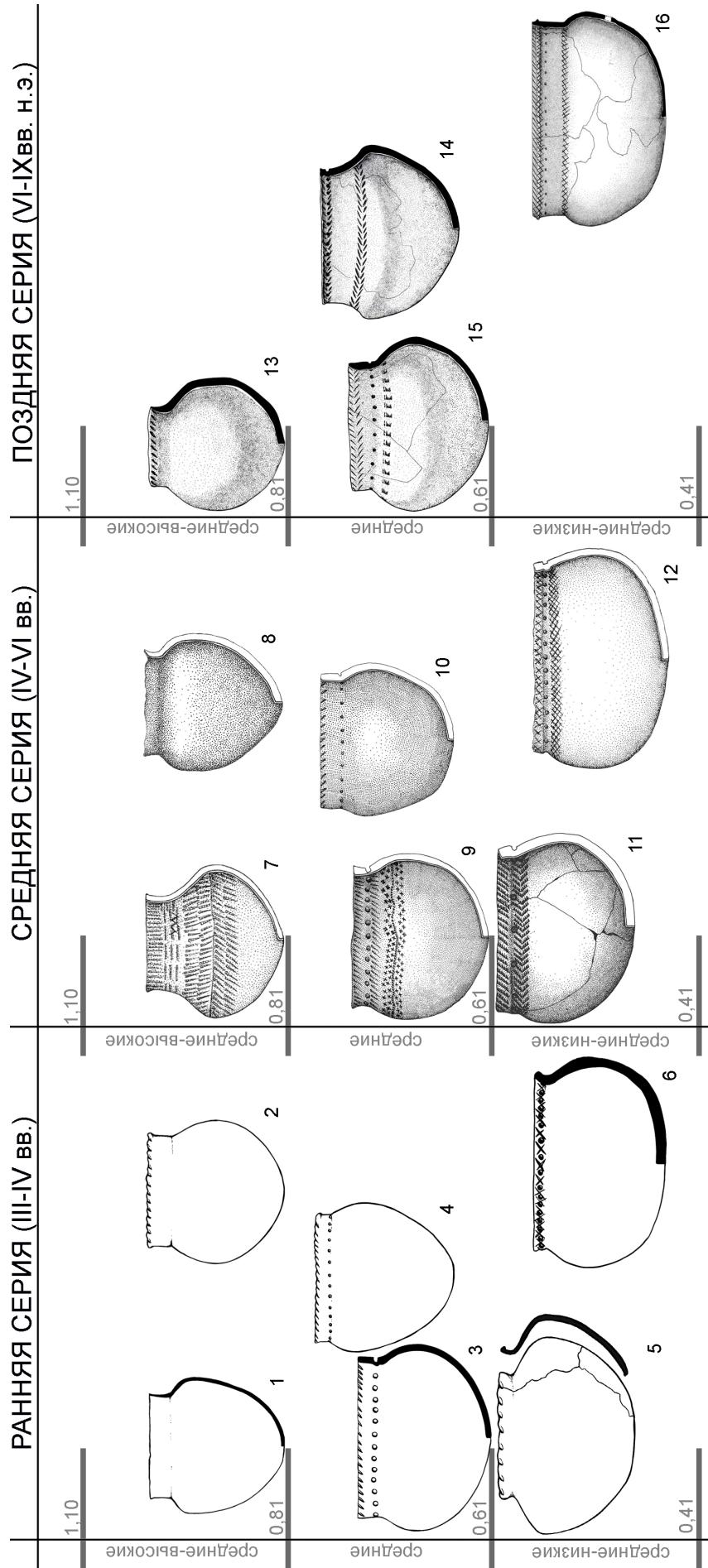

Рис. 2. Сравнительная таблица по индексу пропорциональности форм сосудов бакальской культуры из разных хронологических групп: Устюг-1 (1–6); Козлов-Мыс-2 (7–12); Воденниково-1 (13–16)
Fig. 2. Comparative Table based on Index of Shape Proportionality in Vessels of Bakalskaya Culture
from Different Chronological Groups: Ustyug-1 (1–6); Kozlov-Mys-2 (7–12); Vodennikovo-1 (13–16)

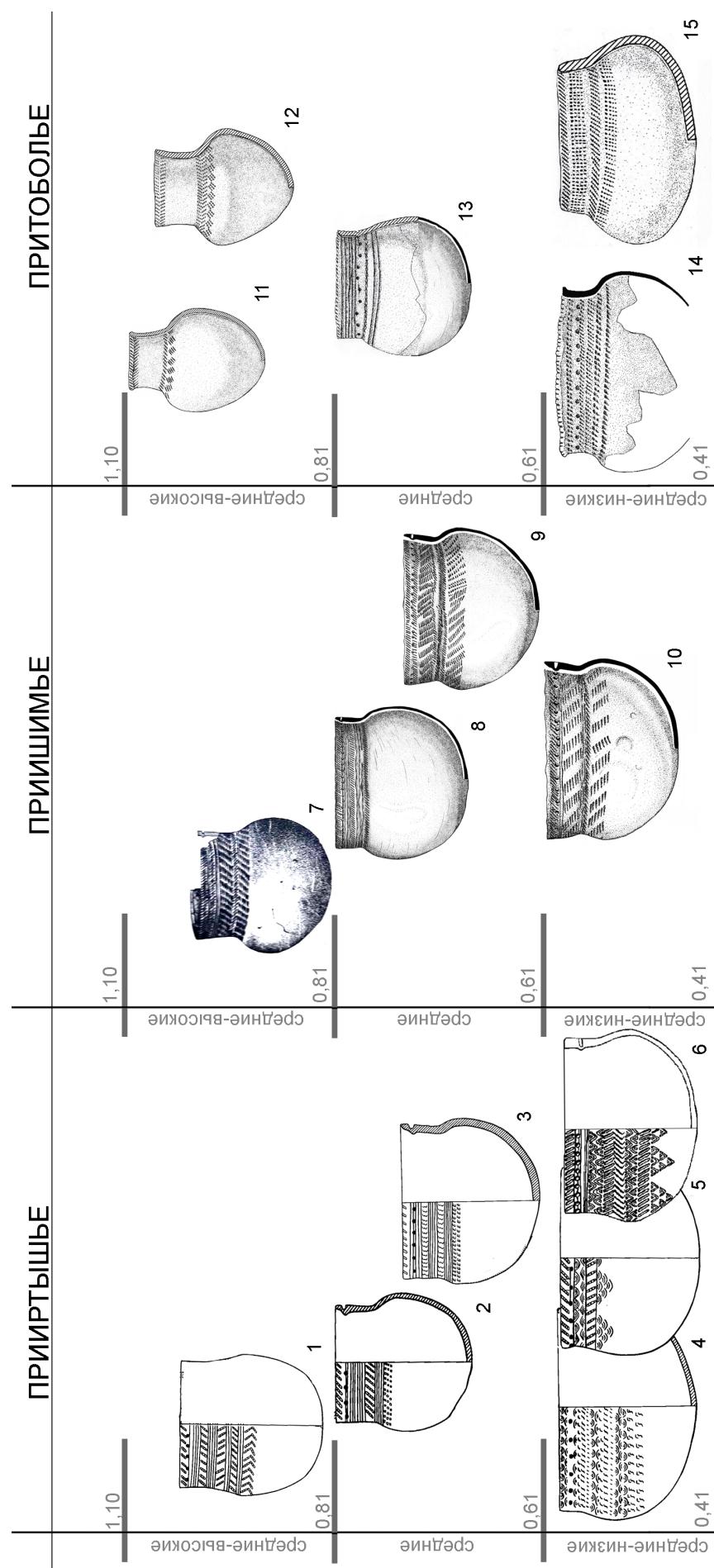

Рис. 3. Сравнительная таблица форм сосудов потчавашского типа из могильников Долговское-1 (1, 6), Окунево-III (2–5), Лихачевский (7), Викуловское кладбище (8–10), Водениково-1 (11–15)

Fig. 3. Comparative Table based on Shapes of Vessels of Potchavash Type from the Burial Grounds Dolgovskoe-1 (1, 6), Okunovo-3 (2–5), Likhachevsky (7), Vikulovskoe Cemetery (8–10), Vodennikovo-1 (11–15)

Дополнительным методом являлся анализ общей пропорциональности объемных частей керамических емкостей по А.А. Бобринскому [Бобринский, 1987. С. 137–157]. Он позволил выявить закономерности изменения навыков формообразования у гончаров [Цетлин, 2012. С. 161, 162]. Для этого изображения посуды были обведены и приведены к единому масштабу (20×20 см), далее они были разбиты на простые геометрические формы для удобства подсчета площади (S) их плоскостного изображения и объема (V). Затем высчитывалось отношение S/V^*10 , определяющее категорию пропорциональности: высокие, высокие-средние, средние, средние-низкие и низкие [Цетлин, 2012. С. 161, 162]. В данном случае под формами-подражаниями понимаются промежуточные категории сосудов (высокие-средние, средние-низкие), указывающие на сочетание старых и новых навыков в формообразовании гончаров населения Тоболо-Иртышья, что предполагает влияние инородных традиций. Все расчеты, полученные по методикам В.Ф. Генинга и А.А. Бобринского, производились в пакете программ MS Excel, результаты которых представлены в виде графиков (рис. 6).⁵

Анализ всей базы данных позволил выделить лидирующие морфологические характеристики погребальной посуды для отдельных культурных групп, а также долю сосудов-подражаний. Кроме того, на основе вычисления средних значений индексов с привязкой к определенной хронологической или территориальной группе были получены данные о динамике форм бакальской, потчевашской, карымской и кушнаренковской керамики (табл. 1; рис. 2–5). В частности, бакальская и кушнаренковская керамика происходит из трех хронологических комплексов: ранняя – III–IV вв. (из могильников Устюг-1 и Ипкульский); средняя – IV–VI вв. (из могильника Козлов-Мыс-2); поздняя – VI–IX вв. (из Перейминского и Воденниково-1 некрополей) (рис. 2, 5), закрепившихся в литературе [Матвеева, 2016. С. 191; Зеленков, 2022. С. 18]. Ввиду относительной хронологической однородности карымской (IV–VI вв.) и потчевашской (VI–VIII вв.) выборок, основным объяснением динамики их форм представляется локальная специфика. По данному признаку карымская керамика была разделена на две серии – из Притоболья и Прииртышья (рис. 3), а потчевашская на три – из

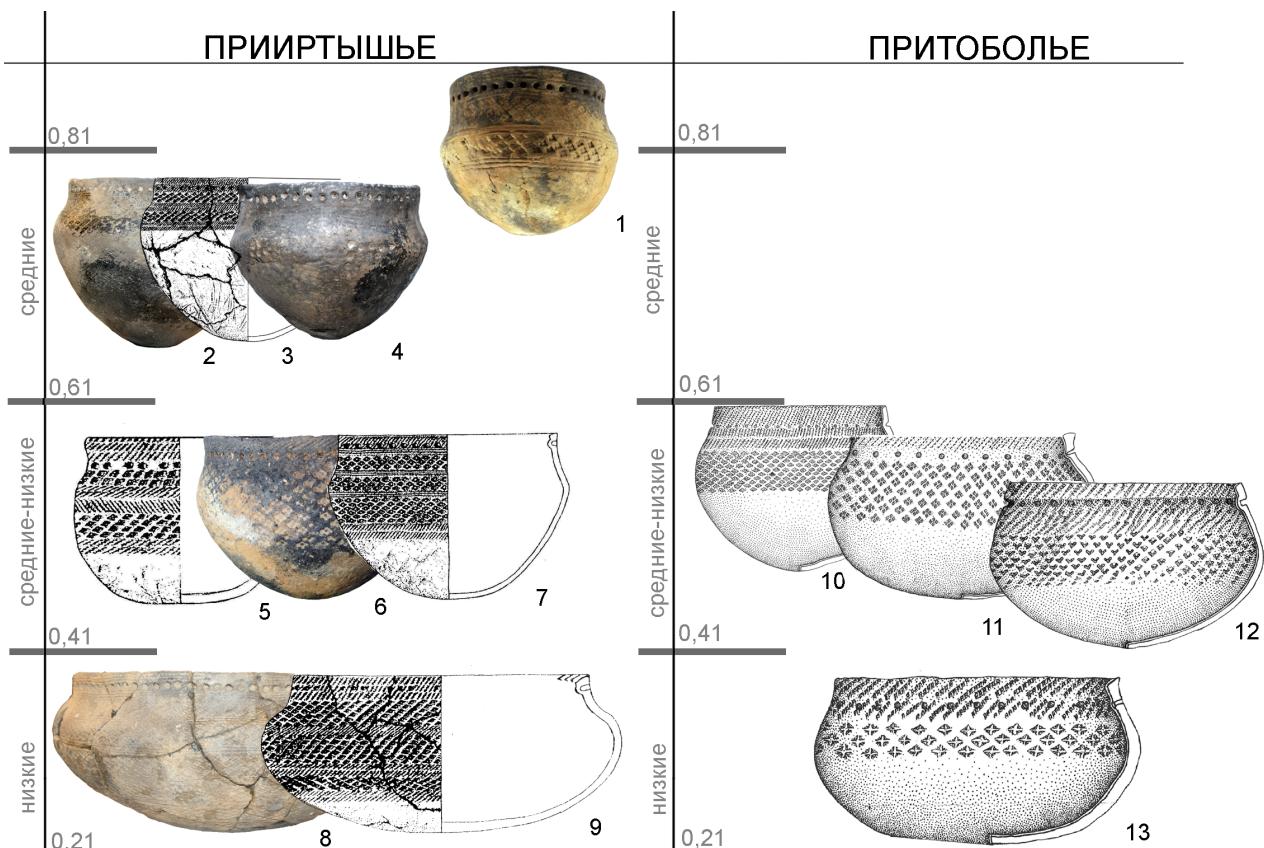

Рис. 4. Карымские сосуды из погребений разных территорий, распределенные по индексу пропорциональности: Красноярский-IV (1, 2, 4, 6, 8), Усть-Тара-7 (3, 5, 7, 9), Козлов-Мыс-2 (10–13)

Fig. 4. Karymskaya Vessels from Burial Grounds of Different Territories Divided by Proportionality Index: Krasnoyarsky-4 (1, 2, 4, 6, 8), Ust-Tara-7 (3, 5, 7, 9), Kozlov-Mys-2 (10–13)

⁵ Сочетание данных методов апробировано на материалах эпохи поздней бронзы и раннего железного века Западной Сибири Л.Н. Мыльниковой [Мыльникова, 2014. С. 33–43].

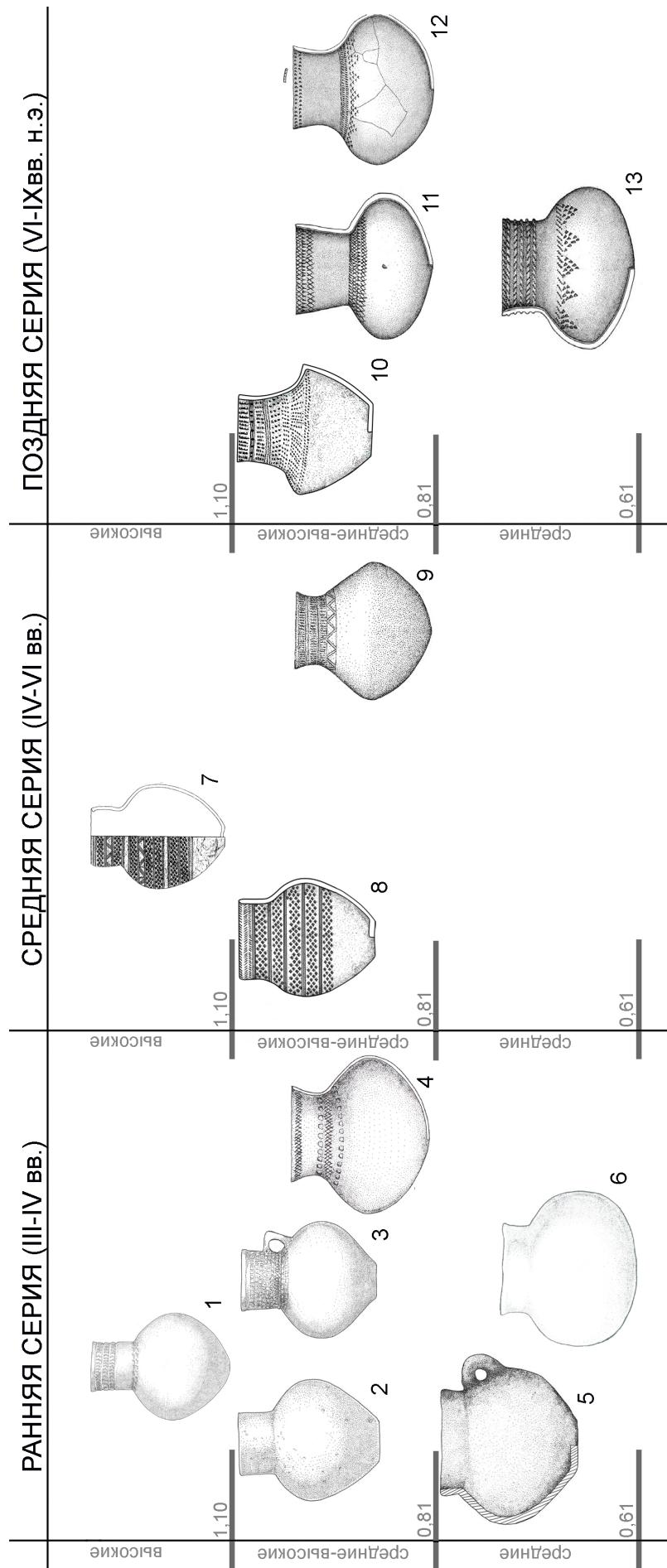

Рис. 5. Сравнительная таблица форм сосудов кушнаренковского типа из разных хронологических групп из могильников Тоболо-Иртышья:

Fig. 5. Comparative Table based on Shapes of Vessels of Kushnarenkov Type from Different Chronological Groups of Tobolo-Irtish Region Burial Grounds:
 Уstyug-1 (I-6); Уst-Tara-7 (7-8), Kozlov-Mys-2 (9), Bobrovsky (II), Pereiminsky (II-13)
 Уstyug-1 (I-6), Уst-Tara-7 (7-8), Kozlov-Mys-2 (9), Bobrovsky (II), Pereiminsky (II-13)

Таблица 2
Памятники и объекты, из которых происходит выборка
Table 2
Sites and Items Set is Based on

тип	объект*	всего	публикация
Керамические группы Западной Сибири**			
бакальский	KM: 31****; У: 2/2****; KM: 6; У: 2/1; KM: 49; KM: 51; KM: 12a; KM: 14; KM: 31; У: 4/1; KM: 44; KM: 21; KM: 39; И: 31/1; KM: 12; У: 35/4; KM: 33; KM: 1; У: 35/3 (2 ед.); KM: 66; У: 25/3; И: 4/3; И: 18/1; KM: 6; У: 2/2; И: 4/1/1; И: 18/2; У: 26/н; У: 3/5/4; KM: 9; У: 1/4/2; У: 40/2; У: 25/н; KM: 7; KM: 40; KM: 10; KM: 13/3 (2 ед.); KM: 18; KM: 9; KM: 34; KM: 51; KM: 5; KM: 41; KM: 27; KM: 16 (3 ед.); KM: 32 (2 ед.); KM: 26; KM: 53; KM: 91; KM: 20 (2 ед.); KM: 22; KM: 84; И: 8; П: 2/н; B: 33/н (3 ед.); B: 7/н	68 ед.	Матвеева, 2012; Матвеева, 2016; Чижанова, 2017 Матвеева, Третьяков, Зеленков, 2021
карымский	K: 18/1; К: 18/2; К: 19/1; К: 20/1/6; К: 20/1/а; К: 18/3; К: 20/2; К: 20/1; К: 15/1; УТ: 14/1; УТ: 5/1; УТ: 8/1; УТ: 3/1; УТ: 4/1; УТ: 7/1; УТ: 9/1; УТ: 17/1 (2 ед.); KM: 2; KM: 4; KM: 11; KM: 19; KM: 23; KM: 29; KM: 42; KM: 43а; KM: 48; KM: 54; Ик41-1; Ик41-1	34 ед.	Матвеева 2012; Чижанова, 2017; Скандалов, Данченко, 1999; Грачев, Зеленков, Слепцова, 2021
потчевашинский	Д: 1 (2 ед.); Л: 15; Л: 4; О: м/ж (3 ед.); ВК: 2; ВК: 1 (2 ед.); П: 1; МИ: 3/1; МИ: 21/2; МИ: 21/3; О: XVI(2 ед.); VII, VIII, X, I, XIV, III, XV, XXI, I, VII; МИ: 1/2; МИ: 2/1; В: 3/1/2 (2 ед.); В: 7/н; В: 33/12; В: 31/ н; В: 31/н	38 ед.	Генинг, Зданович, 1987; Могильников, Коников, 1983; Чагаева, 1973; Илошина, 2009; Матвеева, Третьяков, Зеленков, 2021
кушнаренковский	П: 8 (3 ед.); Б: (3 ед.); Б: 33/н (3 ед.); И: 41/2; В: 7/н; У: 35/3; У: 35/4; У: 34/2; Р: 10/10; У: 28/2; У: 3/н; УТ: 14/1; У: 25/2 (3 ед.); В: 33/н (3 ед.); И: 41/2; В: 7/н; У: 13/3 (2 ед.); У: 41; К: 47	30 ед.	Скандалов, Данченко, 1999; Матвеева, 2012; Арсланова, 2013; Матвеева 2016; Чижанова, 2017; Матвеева, Третьяков, Зеленков, 2021
Керамические группы Приуралья			
неволинский	БР: 44 (3 ед.); ВС: 106; ВС: 46; ВС: уч. Х/19-20; ВС: 15/н; Н: 220, 99, уч. Г/7, 155, уч. Г/18; 140, 232, 98, 182, 153, Ж/13, 234; уч. ФХ/23	20 ед.	Параметры для рис. 7, а замерены по иллюстрациям [Голдина, Водолаго, 1990]
кушнаренковский	ММ: 1 (2 ед.); 8, 11; ЛК: 38/1, 16/2, 10/1, 27/1, 36/1, 48/1; БМ: 78, 165, 104, 107, 176, 195, 91, 92; Кущ: 8.	20 ед.	Параметры для рис. 7, а замерены по иллюстрациям [Мажитов, 1977]. Для рис. 7, б использованы данные [Иванов, 1999]
бахмутинский тип	БМ: 1, 2 (2 ед.); 4, 18, 19, 31, 35, 53, 62, 64, 95, 118, 150, 152, 172, 186, 189, 190, 197	20 ед.	Параметры замерены по иллюстрациям [Мажитов, 1977]
каракуповский		50 ед.	Для рис. 7, б использованы данные [Иванов, 1999. Табл. 6]

* KM – Козлов-Мыс-2; У – Устюг-1; К – Красноярский-IV; И – Ипкульский; В – Воденниково-I; О – Окунево-III; УТ – Усть-Тара-7; П – Перейминский; Б – Бобровский; Д – Долговское; ВК – Викуловское кладбище; МИ – Мурлинский I; МИ – Мурлинский II; БР – Бродовский; ВС – Верх-Саинский; Л – Лихачевский; БР – Бродовский

** По всем керамическим группам Западной Сибири параметры замерены автором в фондах ТМПО им. И.Я. Соловьева (Тюмень), ОМГПУ (Омск)

*** № погребения

**** № кургана / № погребения (н – насыпь, уч. - участок)

Притоболья, Прииртышья и Приишимья (рис. 4). Для установления историко-культурных связей как внутри отдельных керамических традиций населения Тоболо-Иртышья, так и с сопредельными территориями по суммарным и усредненным статистическим данным были проведены факторный и главных компонент анализы в пакете программ Statistica 12.⁶

Результаты анализа и обсуждение

По результатам морфологического анализа сосуды *бакальского типа* по высотному указателю распределились на низкие – 50 %⁷ (32 ед.), средние – 45 % (29 ед.) и очень высокие – 2 % (1 ед.) (рис. 6, а). По высотно-горловинному указателю фиксируются очень низкие – 2 % (1 ед.), низкие – 52 % (33 ед.), средние – 41 % (26 ед.) и высокие – 5 % (3 ед.) (рис. 6, б). Широтно-горловинный указатель (рис. 6, в) демонстрирует распределение на средние – 5 % (3 ед.), широкие – 86 % (55 ед.) и очень широкие – 2 % (1 ед.). При этом превалируют сосуды с наклонной внутрь шейкой – 47 % (30 ед.) и слабопрофицированной горловиной – 53 % (34 ед.). По указателю высоты и формы тулова изделия распределились на сильно приплюснутые – 3 % (2 ед.), приплюснутые – 88 % (56 ед.), округлые – 8 % (5 ед.) и сильно вытянутые – 2 % (1 ед.). Следуя распределению по указателю ФЕ, средние плечики имеют 50 % изделий (32 ед.), высокие – 42 % (27 ед.), а очень высокие – 9 % (6 ед.). При этом плечики в основном слабовыпуклые – 61 % (39 ед.), средневыпуклые характерны для 28 % сосудов (18 ед.), а сильновыпуклые – для 3 % (2 ед.). По индексу пропорциональности сосуды бакальского типа распределились следующим образом: низкие-средние – 38 % (24 ед.), средние – 47 % (30 ед.), средние-высокие – 15 % (5 ед.) (рис. 6, г).

В целом, учитывая среднее значение указателей структурных частей (табл. 1) и индекс пропорциональности емкостей, для бакальных гончаров было традиционным изготовление сосудов, в основном, средних пропорций со средней слегка наклонной внутрь широкой горловиной, приплюснутым туловом, с высокими слабовыпуклыми плечиками. Эти данные отчетливо согласуются с построенными графиками и таблицами, характеризующими результаты сравнения разных серий бакальной керамики по индексу пропорциональности (рис. 2).

Иновации в морфологии можно проследить при сравнении разных хронологических серий сосудов по среднестатистическим данным (табл. 1). В частности, отклонения от средней нормы индексов профилировок составных частей сосудов и общей пропорциональности зафиксированы у бакальных сосудов из раннего (рис. 2, I–6) и средне-

го периодов (рис. 2, 7–12). Первая группа характеризуется слабопрофицированными горловинами и меньшими на 8 % объема емкостями, а для второй группы характерны низкие горловины. Специфика ранней группы бакальной керамики (конца III – IV вв.) объясняется возможным влиянием на начальных этапах формирования традиций Нижнего Приобья [Корякова, Морозов, Суханова, 1988]. Доминирование низких горловин на среднем этапе (IV–VI вв.) дополнительно аргументирует гипотезу В.Д. Викторовой, В.М. Морозова и Н.П. Матвеевой относительно участия карымских групп в культурогенезе бакального населения. Длительность взаимодействия, вероятно, была кратковременна, а степень влияния была низкой, о чем наглядно свидетельствуют результаты факторного анализа по значениям указателей структурных частей и индексов пропорциональности (рис. 7, а). Как мы видим, ранняя и средняя группы бакальной керамики сгруппировались в правом верхнем углу графика вместе с прииртышскими и приишимскими сериями потчевашской посуды по морфологическим указателям и средним индексам пропорциональности, при этом карымская группа находится ниже и правее. В данном случае также не исключается вариант, что карымское наследие быстро растворилось в среде бакального населения.

Сходство бакальных гончарных традиций с культурами сопредельных территорий демонстрируют результаты факторного и главных компонент анализов (рис. 7, а–б). В частности, с «бахмутинской» культурой наблюдается сходство у бакальной по объему и пропорциям [Зеленков, 2017. С. 103]. Отмечаются существенные отличия бакальных и неволинских экземпляров (рис. 7, а), выраженные в больших объемах и более низких пропорциях последних. Несмотря на то, что по целому комплексу признаков бакальная керамика близка каракуповской, в частности, по указателям ФА, ФБ, ФГ и ФД, они значительно удалены друг от друга (рис. 7, б), на что, вероятно, повлияло разнообразие форм горловин и туловища у последней.

Карымская посуда по высотному указателю (ФА) распределилась на низкие – 87,9 %⁸ (29 ед.), средние – 9,1 % (3 ед.) и высокие – 3 % (1 ед.) (рис. 6, а). Их горловины по указателю ФБ (рис. 6, б) низкие – 75,8 % (25 ед.), средние – 21,2 % (7 ед.), очень высокие – 3 % (1 ед.), а по ФВ широкие – 93,9 % (31 ед.) и средней широты – 3 % (1 ед.) (рис. 6, в). При этом шейка чаще наклонена внутрь (84,8 % – 28 ед.), реже слабопрофицированная (9,1 % – 3 ед.) и сильно профицированная (3 % – 1 ед.). По высотному указателю ФЕ плечики карымских сосудов чаще высокие (48,5 % – 16 ед.) и очень высокие (36,4 % – 12 ед.), реже средние (12,1 % – 4 ед.) и низкие (3 % – 1 ед.),

⁶ Использована демонстрационная версия.

⁷ Здесь и далее % от 68 ед.

⁸ % от 34 сосудов.

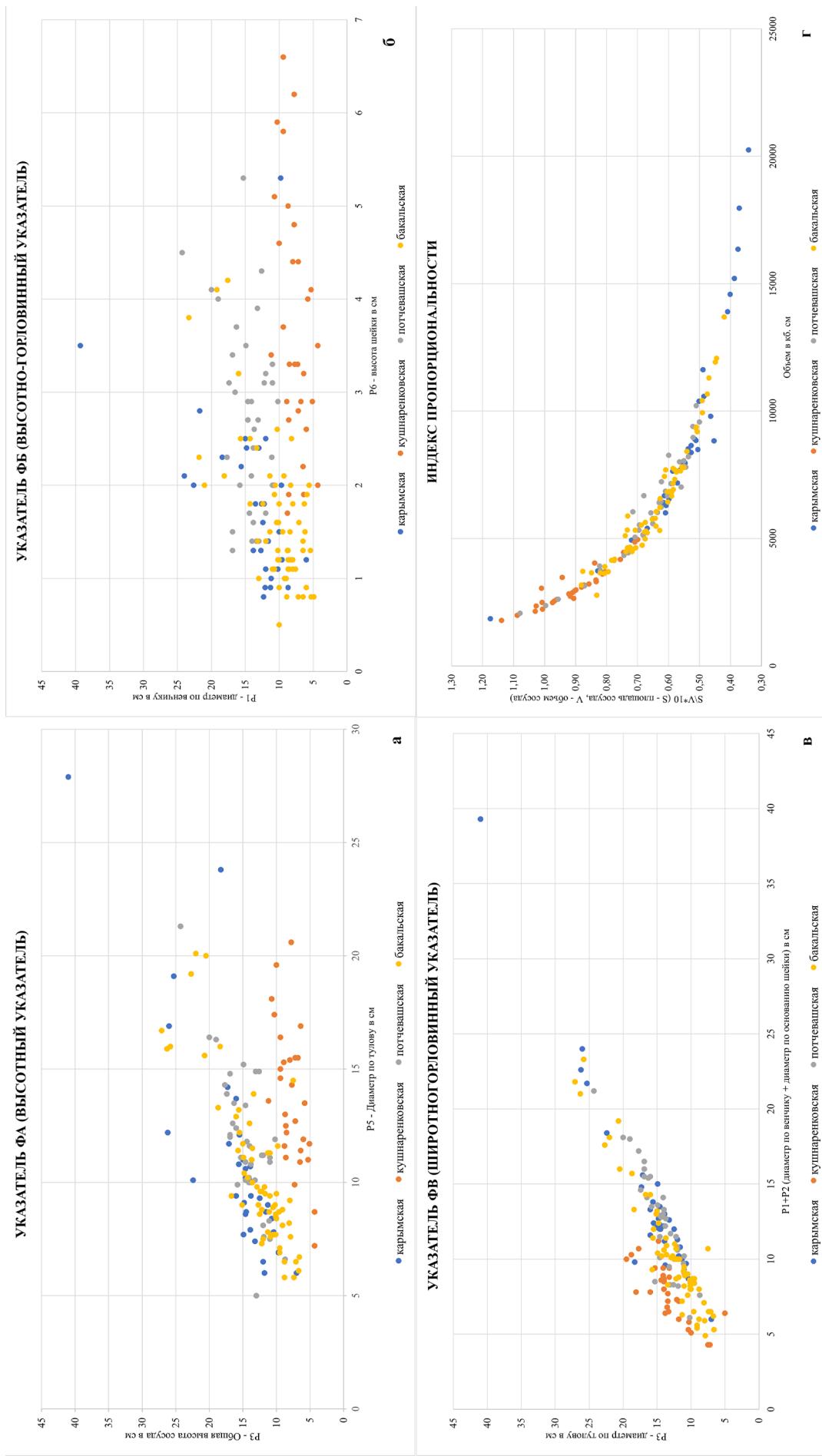

Рис. 6. Диаграммы распределения сосудов по: а) высотному указателю ФА; б) по широтно-горловинному указателю ФВ;

в) широтно-горловинному указателю ФВ; г) индексу пропорциональности

Fig. 6. Diagrams of Vessels Division based on: a) Their Height; b) Their Bottle-Neck Width; c) Proportionality Index

по ФЖ они в основном слабовыпуклые (66,7 % – 22 ед.), но встречаются средневыпуклые (15,2 % – 5 ед.) и очень слабовыпуклые (12,1 % – 4 ед.). Тулоно чаше приплюснутое (72,7 % – 24 ед.), реже сильно приплюснутое (21,2 % – 7 ед.) и округлое (3 % – 1 ед.). По индексу пропорциональности карымская посуда из могильников Тоболо-Иртышья распределяется следующим образом: низкие – 15,2 % (5 ед.), низкие-средние – 60,6 % (20 ед.), средние – 18,2 % (6 ед.), средние-высокие – 3 % (1 ед.), высокие – 3 % (1 ед.) (рис. 2, г).

Исходя из среднего значения показателей, сосуды карымского типа в целом низких-средних пропорций с низкой и широкой горловиной, наклоненной внутрь, с высокими слабовыпуклыми плечиками и приплюснутым туловом (табл. 1). Анализ локальных серий карымской посуды из Притоболья и Прииртышья показывает их определенные отличия. В частности, прииртышская серия обладает в среднем высокими горловинами и плечиками (рис. 4, 1–9), а притобольская – средними горловинами и низкими плечиками (рис. 4, 10–13). Эти данные наглядно подтверждают сравнительные графики по итогам факторного и главных компонент анализов (рис. 7), на которых локальные серии карымской посуды обособились от бакальской и потчевашской. Интересно, что в их группу попали образцы неволинской посуды аналогичных низких-средних и низких пропорций.

Учитывая значительное количество сосудов-подражаний, можно предположить, что на ранних этапах формирования данной культурной традиции гончары стремились придерживаться низких пропорций. Их прототипами могли выступать позднекулайские сосуды саровского этапа кулайской культуры [Чиндина, 1977]. Вероятно, вследствие переселения на южные территории у карымских гончаров произошла ломка традиции под влиянием носителей лесостепной бакальской культуры, что объясняет появление промежуточных форм.

Потчевашская посуда по высотному указателю распределилась на очень низкие – 2,6 %⁹ (1 ед.), низкие – 50 % (19 ед.), средние – 42,1 % (16 ед.) (рис. 6, а). По указателю ФБ горловины у потчевашских сосудов низкие – 21,1 % (8 ед.), средние – 57,9 % (22 ед.), высокие – 15,8 % (6 ед.) и очень высокие – 5,3 % (2 ед.) (рис. 6, б), по указателю ФВ они встречаются средней ширины – 5,3 % (2 ед.) и широкие – 89,5 % (34 ед.) (рис. 6, в), а по ФГ они чаше слабопрофилированные – 60,5 % (23 ед.) или наклонены внутрь – 31,6 % (12 ед.). Плечики, судя по указателю ФЕ, очень низкие – 2,6 % (1 ед.), средние – 23,7 % (9 ед.), высокие – 36,8 % (14 ед.) и очень высокие – 36,8 % (14 ед.), а по ФЖ встречаются очень слабовыпуклые – 18,4 % (7 ед.), слабовыпуклые – 57,9 % (22 ед.) и средневыпуклые – 18,4 % (7 ед.). Тулоно бывает сильно приплюс-

нутым – 7,9 % (3 ед.), приплюснутым – 78,9 % (30 ед.) и округлым – 5,3 % (2 ед.). По индексу пропорциональности потчевашские сосуды распределяются на низкие-средние – 34,2 % (13 ед.) средние – 50 % (19 ед.), средние-высокие – 13,2 % (5 ед.) и высокие – 2,6 % (1 ед.) (рис. 2, г).

По средним значениям указателей (табл. 1) потчевашские сосуды средних пропорций, средней высоты, с широкой и слабопрофилированной горловиной, слабовыпуклыми высокими плечиками и приплюснутым туловом.

Несущественные отклонения от средней нормы демонстрируют приишмские и прииртышские серии сосудов, тогда как притобольские экземпляры с высокими горловинами, слегка наклоненными внутрь, со средневыпуклыми плечиками средней высоты и на 24 % меньшие по объему (рис. 3). По результатам анализа главных компонент (рис. 7, а) видно, что прииртышские и приишмские серии посуды сгруппировались вместе с ранней и средней сериями бакальской керамики по основным параметрам форм структурных частей, объему и индексу пропорциональности. Интересно, что поздняя бакальская серия и притобольская потчевашская существенно отделены друг от друга: последняя находится в левом нижнем углу совместно с ранней и поздней сериями кушнаренковской посуды Западной Сибири. Аналогичная ситуация наблюдается при сравнении индексов пропорциональности и объема с керамическими группами Приуралья (рис. 7, а–б), где притобольская потчевашская серия приближена по показателям к кушнаренковской и карайкуповской керамике Приуралья, а приишмская и прииртышская – «бахмутинской», ранней и средней бакальской. Данные факты позволяют видеть в потчевашской посуде существенный лесостепной компонент, выразившийся в облике ее форм.

Кушнаренковский тип посуды по высотному указателю (ФА) распределяется на низкие – 3,3 % (1 ед.), средние – 83,3 % (25 ед.), высокие – 10 % (3 ед.) и очень высокие – 3,3 % (1 ед.) (рис. 6, а). Горловины по указателю ФБ (рис. 6, б) средней высоты – 10 % (3 ед.), высокие – 50 % (15 ед.) и очень высокие – 43,3 % (13 ед.), по ФВ (рис. 6, в) узкогорлые – 16,7 % (5 ед.), средние – 43,3 % (13 ед.), широкие – 13,3 % (4 ед.) и очень широкие – 3,3 % (1 ед.), по ФГ они с наклоном внутрь – 33,3 % (10 ед.), слабопрофилированные – 63,3 % (19 ед.), сильно профилированные – 3,3 % (1 ед.). Плечики по высотному указателю (ФЕ) средние – 70 % (21 ед.) и высокие – 30 % (9 ед.), а по ФЖ они встречаются очень слабовыпуклые – 3,3 % (1 ед.), слабовыпуклые – 6,7 % (2 ед.), средневыпуклые – 73,3 % (22 ед.), сильно выпуклые – 10 % (3 ед.) и очень сильно выпуклые – 3,3 % (1 ед.). Тулоно приплюснутое – 66,7 % (20 ед.), округлое – 30 % (9 ед.) или сильно вытянутое – 3,3 % (1 ед.). По ин-

⁹ % от 38 сосудов.

дексу пропорциональности (рис. 2, *г*) сосуды кушнаренковского типа делятся на средние – 33,3 % (10 ед.) (рис. 5, 5, 6, 13), средние-высокие – 60 % (18 ед.) (рис. 5, 2–4, 8, 9, 10–12) и высокие – 6,7 % (6 ед.) (рис. 5, 1, 7).

По среднестатистическим значениям указателей и индексов кушнаренковская посуда (табл. 1) – это емкости средних-высоких пропорций, с высокими слабофирированными горловинами средней ширины, со средневыпуклыми плечиками средней высоты и приплюснутым туловом.

При сравнении разных хронологических серий кушнаренковской посуды существенных отклонений от усредненных данных не было выявлено (рис. 7, *а*). На всех анализах (главных компонент и факторный) по морфологическим особенностям сосуды образуют локальные скопления, существенно отделившись от традиционных для Тоболо-Иртышья типов керамики (бакальской, карымской и потчевашской), хотя объединяются с притобольскими вариантами потчевашской керамики (рис. 7, *а*), а также кушнаренковскими емкостями из памятников Приуралья (рис. 7, *б*). Эти данные позволяют согласиться с мнением исследователей кушнаренковско-караякуповских древностей об общих источниках данной гончарной традиции у отдельных культурных групп Урало-Сибирского региона раннего средневековья [Мажитов, 1981. С. 27, 28; Иванов, 1999. С. 50; Матвеева Н.П., 2007; 2021]. Косвенно подтверждают данную гипотезу общие рецепты формовочных масс ($\Gamma+\text{Н}+\text{Ш}$, $\Gamma+\text{П}+\text{Ш}$) и качество исходного пластичного сырья (пластичные глины) [Васильева, 1993. С. 46; Матвеева, Кобелева, 2013].

Заключение

Таким образом, формирование керамических традиций лесостепного и южнотаежного населения Тоболо-Иртышья происходило на многокомпонентной основе при активном взаимодействии разных культурных групп.

По результатам морфологического анализа продемонстрировано, что бакальские гончары, продолжив развитие лесостепных традиций населения Западной Сибири, на разных этапах культуры испытывали инокультурное влияние, о чем свидетельствуют сосуды-подражания низких-средних и средних-высоких пропорций. На изменчивость навыков формообразования оказывали таежные племена Обь-Иртышья (кулайская культура саровского этапа, нижнеобская культура карымского этапа), группы которых перманентно проникали в лесостепь с конца саргатской эпохи. Кроме того, бакальские сосуды ранней и средней серий обнаруживают сходство с «бахмутинскими» группами керамики, что может быть объяснено общей территорией кочевок в лесосте-

пи Урало-Сибирского региона, что дополнительно аргументируют бакальские находки в памятниках Южного Урала [Овсянников, 2020]. Существенное отличие поздней серии бакальской керамики от основной выборки на данном этапе исследования сложно поддается объяснению в связи с малочисленностью данной группы.

Потчевашская керамическая традиция сформировалась на основе местного богочановского субстрата под влиянием саровских и карымских групп населения Приобья, а также представите-

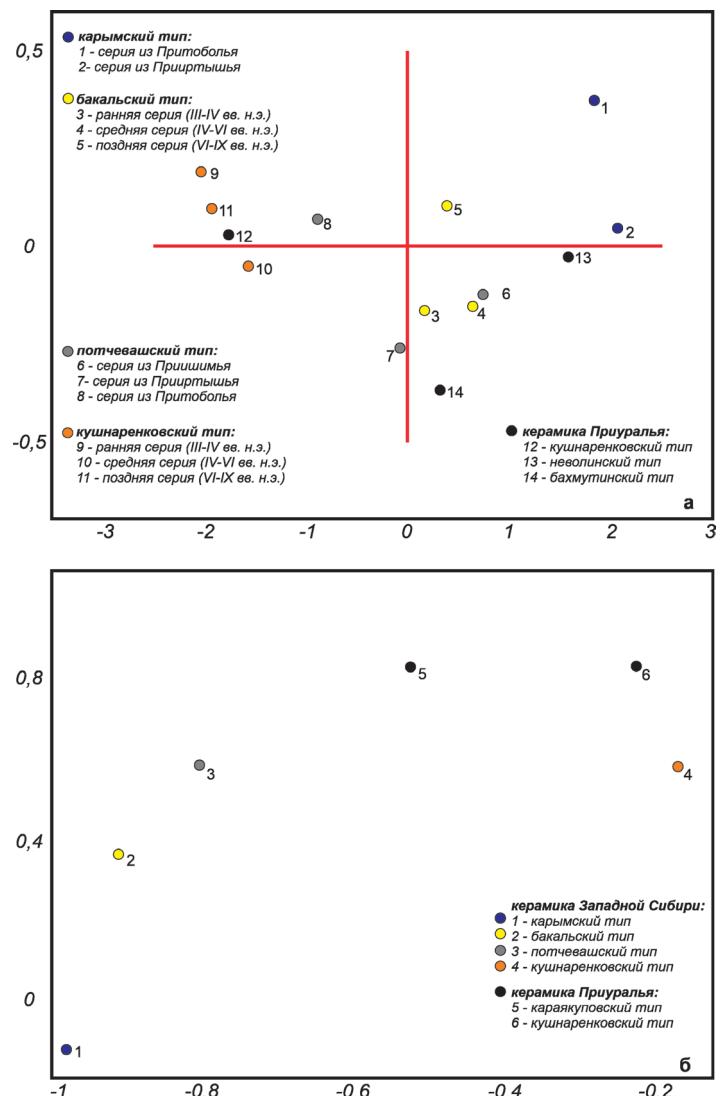

Рис. 7. Графики многомерного анализа в пакете программ Statistica 12: *а*) 2-D функция анализа главных компонент по средним значениям индексов объема и пропорциональности в хронологических и локальных сериях керамики населения Тоболо-Иртышья в сравнении с керамическими группами Приуралья; *б*) 2-D функция факторного анализа средних значений указателей структурных частей, индексов объема и пропорциональности керамики населения Тоболо-Иртышья в сравнении с керамическими группами Приуралья

Fig. 7. Graphs of Multidimensional Analysis by Statistica 12: *a*) 2-D Function of Main Component Analysis based on Average Volume and Proportionality Indexes in Chronological and Local Ceramics Series by Tobol-Irtysh Region Population Compared to Fore-Urals Ceramic Groups; *б*) 2-D Function of Factor Analysis based on Average Structural Parts, Volume and Proportionality Indexes of Ceramics by Tobol-Irtysh Region Population Compared to Fore-Urals Ceramic Groups

лей бакальской культуры. Последнее доказывают очень близкие связи приильтышской и прииртышской серий с бакальскими емкостями раннего (III–IV вв.) и среднего (IV–VI вв.) периодов. Кроме того, лесостепной компонент в почевашской традиции выразился в ее схожести с «бахмутинскими» и калякуповскими сосудами, что позволяет предполагать широкие культурные контакты населения южнотаежного и лесостепного Ишимо-Иртышья с племенами Приуралья. Специфику притобольской серии почевашской керамики и ее близость с кушнаренковскими сосудами можно объяснить интенсивными контактами ее носителей на территории лесостепи Зауралья с племенами бакальской культуры [Матвеева, Третьяков, Зеленков, 2021].

Происхождение карымского типа керамики в Тоболо-Иртышье связано с миграциями таежного населения Приобья в конце железного века. Саровские традиции были быстро переработаны под влиянием лесостепных групп населения бакальской культуры, отразившимся в появлении промежуточных низких-средних и средних пропорций

сосудов. Сочетание данных характеристик в неволинских материалах может указывать на возможность контактов карымских групп нижнеобской культуры с племенами Приуралья в эпоху Великого переселения народов. Однако, на данный момент исследований эта гипотеза нуждается в дополнительных анализах, в том числе через призму трасологических и петрографических штудий.

Неоднородность морфологических характеристик кушнаренковского типа керамики, а также его широкое географическое распространение объясняются сложными историко-культурными процессами и контактами западносибирского населения с группами раннесредневековых племен лесостепей и степей Урало-Сибирского региона. Синхронность бакальских и кушнаренковских сосудов, а также их сочетание в одних и тех же комплексах IV–IX вв. Западной Сибири, позволяет сегодня рассматривать последнюю в ранге одного из компонентов бакальской культуры, что не противоречит возможности существования нескольких гончарных традиций в рамках одной культурной группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арсланова Ф.Х. К вопросу о связях племен Павлодарского Прииртышья с населением Западной Сибири (VII–XI вв.) // Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья / Ред. А. Айдарбекова. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана, 2013. С. 275–280. (Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. 3)

Аношко О.М. Общая характеристика бархатовской культуры позднего бронзового века Зауралья // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной) / Отв. ред. М.П. Вохменцев. Курган: КурГУ, 2007. С. 114–122.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: БГПУ, 2009. 285 с.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII в. н.э. Томск: ТомГУ, 1983. 246 с.

Бобринский А.А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Отв. ред. Г.И. Матвеева, Куйбышев: КуйГУ, 1986. С. 137–157.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымская керамика таежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 1 (28). С. 56–66.

Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: Наука: Урал. изд. фирма, 1993. 195 с.

Генинг В.Ф. Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии. Киев: Наукова думка, 1992. 188 с.

Генинг В.Ф. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н.э. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока.

Труды конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. Материалы пленарного заседания и секции истории досоветского периода, археологии и этнографии. Март 1960. Новосибирск: СО АН СССР, 1961. С. 329–336.

Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. (проблемы этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 221–295.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // Советская археология. 1973. № 1. С. 114–137.

Генинг В.Ф., Зданович С.Я. Лихачевский могильник на р. Ишим – памятник почевашской культуры VI–VIII вв. н.э. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: ЧелГУ, 1986. С. 119–133.

Генинг В.Ф., Корякова Л.Н., Федорова Н.В., Овчинникова Б.Б. Памятники железного века в Омском Прииртышье // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Материалы совещания. Томск, 25–31 мая 1970 г. Томск: ТомГУ, 1970. С. 203–228.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Иркутский ГУ, 1990. 176 с.

Грачев М.А., Зеленков А.С., Слепцова А.В. Курганный могильник Красноярский-IV эпохи великого переселения народов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4. С. 60–73. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-55-4-5>

- Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине – второй половине I тыс. до н. э. Омск: ОмГПУ, 1996. 211 с.*
- Данченко Е.М., Горькавая О.Е., Грачев М.А., Колесникова И.М. Некоторые итоги и перспективы изучения Красноярского археологического комплекса на севере Омской области // Гуманитарное знание. Серия Преемственность: Ежегодник. Вып. 5 / Отв. ред. В.Н. Худяков. Омск: ОмГПУ, 2001. С. 76–89.*
- Зеленков А.С. Керамика кушнаренковского типа городища Уфа-II // Вестник ТюмГУ. Гуманистические исследования. Humanitates. 2015. Т. 1. № 4. С. 192–201.*
- Зеленков А.С. Приспособительные навыки гончаров бакальской культуры (по материалам Коловского городища) // Экология древних и традиционных обществ: материалы V Междунар. науч.-конф. Вып. 5. Ч. 2. Тюмень: ТюмГУ, 2016. С. 66–69.*
- Зеленков А.С. Особенности гончарства как показатель взаимодействия населения Урало-Сибирского региона в раннем средневековье // Вестник Пермского университета. История. 2017. № 1. С. 98–106. DOI: <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2017-1-98-106>*
- Зеленков А.С. Приспособительные навыки гончаров потчевашской культуры (по материалам Логиновского городища) // Экология древних и традиционных обществ. Материалы VI Междунар. науч. конф. Вып. 6. Тюмень: ФИЦ ТНЦ СО РАН, 2020. С. 426–429.*
- Зеленков А.С. Культурогенез лесостепного и подтаежного населения Тоболо-Иртышья в эпоху раннего средневековья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2022. 24 с.*
- Зимина О.Ю., Илюшина В.В. Керамика бархатовской культуры подтаежного Приоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 40–53.*
- Зыков А.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. 232 с.*
- Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123 с.*
- Иванов В.А. Еще раз о «кушнаренковско-караякуповской проблеме» // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сборник научных статей, посвященный 75-летию доктора исторических наук Е.П. Казакова / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009. С. 177–196.*
- Иванов В.А. Прослеживается ли генетическая связь между носителями кушнаренковской, караякуповской и неволинской культур? // Проблемы бакальской культуры / Науч. ред. С.Г. Боталов. Челябинск, Шадринск: ИИА УрО РАН, 2008. С. 94–101.*
- Илюшина В.В. Потчевашские погребения из грунтового могильника Викуловское кладбище // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 74–83.*
- Илюшина В.В. Технология изготовления керамики бархатовской культуры поселения Чечкино 4 // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 97–101.*
- Казаков Е.П. Волжские булгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 208 с.*
- Казанцева О.А., Ютина Т.К. Керамика кушнаренковского типа Благодатского I городища // Приуралье в древности и средние века / Отв. ред. А.А. Тронин. Устинов: УдГУ, 1986. С. 110–129.*
- Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. Омск: ОмГПУ, Наука, 2007. 466 с.*
- Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю. Поселение Ипкуль-XV – памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Притоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 117–129. (БАУ. Вып. 19)*
- Матвеева Н.П., Зыков А.П., Зеленков А.С., Третьяков Е.А., Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Алексеева Е.А., Клима Л., Кулешов В.С. Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: взаимодействие этнокультурных общин. Тюмень: ТюмГУ, 2022. 260 с.*
- Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.*
- Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.*
- Матвеева Г.И. О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнаренковского и кара-якуповского типов // Средневековая археология Евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. II. Серия «Археология евразийских степей». Казань: ИИ АН РТ, 2007. С. 75–86.*
- Матвеева Г.И. Памятники I тыс. н.э. левобережья р. Белой // Археология и этнография Башкирии. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1968. С. 113–125.*
- Матвеева Н.П. Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье // AB ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Археолого-этнографический сборник. Вып. 1 / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 63–75.*
- Матвеева Н.П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. Тюмень: ТюмГУ, 2012. 178 с.*
- Матвеева Н.П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень: ТюмГУ, 2016. 263 с.*
- Матвеева Н.П. К вопросу о контактах урало-западносибирского населения со Средней Азией в раннем Средневековье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49. № 1. С. 83–92. DOI: <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2021.49.1.068-077>*
- Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. Новосибирск: Наука, 2008. 228 с.*
- Матвеева Н.П., Кобелева Л.С. К вопросу об исходных компонентах раннесредневекового культурогенеза лесостепного Зауралья (по данным изучения гончарства) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3. 2013. С. 68–78.*
- Матвеева Н.П., Третьяков Е.А., Зеленков А.С. Свидетельства миграции группы южно-таеж-*

ного населения Западной Сибири на Урал в раннем Средневековье (могильник Воденниково-1) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49. № 4. С. 91–99. DOI: <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2021.49.4.091-099>

Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Средневековая керамика нижнеобского облика на памятниках северного Прикамья // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 249–253.

Могильников В.А. Лесостепное Зауралье // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 512 с. (Археология СССР)

Могильников В.А., Коников Б.А. Могильник почевашской культуры в Среднем Прииртышье // Советская археология. 1983. № 2. С. 162–182.

Морозов В.М. Бакальская культура, бакальский тип памятников: к истории изучения // Международное (XVII Уральское) археологическое совещание: Материалы междунар. науч. конф. Пермь, 2003. С. 166–167.

Мошинская В.И. Городище и курганы Потчеваш (К вопросу о почевашской культуре) // Древняя история Нижнего Приобья / Отв. ред. А.В. Збруева. М.: АН СССР, 1953. С. 189–221. (МИА. № 35)

Мыльникова Л.Н. Изучение форм древних керамических сосудов: теоретический и практический аспекты // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. Т. 58. № 2. С. 33–43.

Овсянников В.В. Памятники бакальской культуры на северо-востоке Башкирии // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов: диалог культур. Материалы VIII Междунар. науч. конф. Челябинск: ЧелГУ, 2020. С. 148–156.

Овчинникова Б.Б. О зауральских памятниках сыванской культурной общности конца I – начала II тысячелетий нашей эры // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: ЧелГУ, 1986. С. 133–143.

Рафикова Т.Н. Бакальская культура лесостепного и подтаежного Тоболо-Ишимья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2011. 24 с.

Скандалов И.Е., Данченко Е.М. Курганный могильник Усть-Тара VII в южно-таежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Серия Преемственность: Ежегодник. Вып. 3 / Отв. ред. В.Н. Худяков. Омск: ОмГПУ, 1999. С. 160–186.

Султанова А.Н. Бирский могильник: историко-археологическая характеристика. Дисс. на соиск. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 225 с.

Фёдорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху Средневековья // Вопросы археологии Урала. Вып. 20 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: УрГУ, 1991. С. 126–145.

Цембалюк С.И. Баитовская культура начала раннего железного века в лесостепном Притоболье. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2016. 20 с.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

Чагаева А.С. Могильники в окрестностях деревни Айткулово Омской области // Из истории Сибири: Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. Вып. 5 / Отв. ред. В.И. Матющенко. Томск: ТомГУ, 1973. С. 103–119.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // Культура древних племён Приуралья и Западной Сибири / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: АН СССР, 1957. С. 136–245. (МИА. № 58)

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск: ТомГУ, 1991. 179 с.

Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: ТомГУ, 1977. 192 с.

Чикунова И.Ю. Ипкульский курганный могильник (результаты раскопок 2010–2011 гг.) // АВ ORIGINE. Археолого-этнографический сборник. Вып. 9 / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: ТюмГУ, 2017. С. 79–110.

REFERENCES

- Arslanova, F.H. 2013, “On Relations between the Tribes of the Pavlodar Irtysh Region and the Population of Western Siberia (7–11th Centuries)”, *Ocherki srednevekovo archeologii Verhnego Priirtysh'ya* (“Essays on the medieval archaeology of Upper Irtysh region”), FIA A.H. Margulan, Astana, pp. 275–280. (Materials and research on archeology of Kazakhstan. Vol. 3). (In Russ.)
- Anoshko, O.M. 2007, “General Characteristics of the Barkhatov Culture of the Late Bronze Age of the Trans-Urals”, *Problemy arkheologii: Ural i Zapadnaya Sibir (k 70-letiyu T.M. Potemkinu)* (“Problems of Archeology: the Urals and Western Siberia (To the 70th anniversary of T.M. Potemkina)”), KGU, Kurgan, pp. 114–122. (In Russ.)
- Belavin, A.M., Ivanov, V.A., Krylasova, N.B. 2009, *The Ugric Urals in antiquity and the Middle Ages*. BGPU, Ufa, 285 p. (In Russ.)
- Belikova, O.B., Pletneva, L.M. 1983, *The Sites of the Tomsk Ob Region in the 5th–8th Centuries AD*. TomGU, Tomsk, 246 p. (In Russ.)
- Bobrinsky, A.A. 1986, “On the methodology of studying the forms of pottery from archaeological excavations”, *Kultury Vostochnoj Evropy Pervogo tysyacheletiya* (“Cultures of Eastern Europe of the I millennium”), KuibGU, Kuibyshev, pp. 137–157. (In Russ.)
- Borzunov, V.A., Chemyakin, Yu.P. 2015, “The Karym pottery from the taiga Low Ob' basin”, *Vestnik archeologii, antropologii i etnografii*, no. 1 (28), pp. 56–66. (In Russ.)
- Vasilyeva, I.N. 1993, *Pottery of Volga Bulgaria in the 10–14th centuries*. Nauka: Ural Publishing House, Ekaterinburg, 195 p. (In Russ.)
- Gening, V.F. 1992, *Ancient Pottery: Methods and Research Programs in Archaeology*. Naukova Dumka, Kiev, 188 p. (In Russ.)

- Gening, V.F. 1961, "On Advancement of the Siberian Population in the Western Urals in the 1st Millennium AD", *Voprosy istorii Sibiri i Dalnego Vostoka. Trudy konferentsii po istorii Sibiri i Dalnego Vostoka. Materialy plenarnogo zasedaniya i sektsii istorii dosovetskogo perioda, arkheologii i etnografii. Mart 1960* ("Questions of History of Siberia and the Far East. Proceedings of the Conference on the History of Siberia and the Far East. Materials of the Plenary Session and the Section of the History of the Pre-Soviet Period, Archeology and Ethnography. March 1960"), SO AN SSSR, Novosibirsk, pp. 329–336. (In Russ.)
- Gening, V.F. 1972, "Southern Urals in the 3–7th Centuries. (Problems of Ethnos and its Origin)", *Problemy arkheologii i drevney istorii ugrov* ("Problems of Archeology and Ancient History of the Ugrians"), Nauka, Moscow, pp. 221–295. (In Russ.)
- Gening, V.F. 1973, "Program for Statistical Processing of Pottery from Archaeological Excavations", *Sovetskaya arkheologiya*, no. 1, pp. 114–137. (In Russ.)
- Gening, V.F., Zdanovich, S.Ya. 1986, "Likhachevsky Burial Ground on the Ishim River – Monument of the Potchevash Culture of the 6–8th Centuries A.D.", *Ranniy zheleznyi vek i srednevekoye Uralo-Irtyshskogo mezhdurechya* ("Early Iron Age and the Middle Ages of the Ural-Irtysh Interfluve"), ChelGU, Chelyabinsk, pp. 119–133. (In Russ.)
- Gening, V.F., Koryakova, L.H., Fedorova, N.V., Ovchinnikova, B.B. 1970, "Monuments of the Iron Age in the Omsk Irtysh Region" *Problemy khronologii kulturnoy prinadlezhnosti arkheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoy Sibiri. Materialy soveshchaniya. Tomsk, 25–31 maya 1970 g.* ("Problems of Chronology and Cultural Belonging of Archaeological Monuments of Western Siberia. Materials of the Meeting. Tomsk, May 25–31, 1970"), TomGU, Tomsk, pp. 203–228. (In Russ.)
- Goldin, R.D., Vodolago, N.V. 1990, *Burial Grounds of the Nevolin Culture in the Urals*. Irkutsk GU, Irkutsk, 176 p. (In Russ.)
- Grachev, M.A., Zelenkov, A.S., Sleptsova, A.V. 2021, "Krasnoyarsky-IV kurgan cemetery of the Great Migration Period", *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, no. 4, pp. 60–73. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-55-4-5>
- Danchenko, E.M. 1996, *Southern Taiga Irtysh Region in the Middle – Second Half of the 1st Millennium BC*. OmGPU, Omsk, 211 p. (In Russ.)
- Danchenko, E.M., Garkavaya, O.E., Grachev, M.A., Kolesnikova, I.M. 2001, "Some Results and Prospects of Studying the Krasnoyarsk Archaeological Complex in the North of the Omsk Region", *Gumanitarnoe znanie. Seriya Preemstvennost: Ezhegodnik. Vyp. 5* ("Humanitarian Knowledge. Succession Series: Yearbook. Iss. 5"), OmGPU, Omsk, pp. 76–89. (In Russ.)
- Zelenkov, A.S. 2015, "Kushnarenkovo type ceramics of settlement Ufa-II", *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, vol. 1, no. 4, pp. 192–201. (In Russ.)
- Zelenkov, A.S. 2016, "Adaptive labor skills potters of Bakal culture (on materials Kolovskoe settlement)", *Ekologiya drevnih i tradicionnyh obshchestv* ("Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii Vyp. 5. Ch. 2" ("Ecology of ancient and traditional societies: Materials of the V International Scientific Conference. Iss. 5. Part 2")), TumGU, Tyumen, pp. 66–69. (In Russ.)
- Zelenkov, A.S. 2017, "Features of pottery as an indicator of Ural-Siberian population interaction in early Middle ages", *Perm University Herald. History*, no. 1, pp. 98–106. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2017-1-98-106>
- Zelenkov, A.S. 2020, "Adaptive skills potters of the Potchevash culture (on materials Loginovskoye settlement)", *Ekologiya drevnih i tradicionnyh obshchestv. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii Vyp. 6* ("Ecology of ancient and traditional societies. Materials of the VI International Scientific Conference. Issue 6"), FITC TNC SO RAN, Tyumen, pp. 426–429. (In Russ.)
- Zelenkov, A.S. 2022, *Cultural Genesis of Forest-Steppe and Subtaiga Population of the Tobolo-Irtysh Region in the Early Middle Ages. Dissertation abstract ... Candidate of Historical Sciences*. Tyumen, 24 p. (In Russ.)
- Zimina, O.Yu., Ilyushina, V.V. 2013, "Ceramics of the Barkhatovo culture from the subtaiga zone of the Lower Tobol basin", *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3 (22), pp. 40–53. (In Russ.)
- Zykov, A.P. 2012, *Barsova Gora: Essays on Archaeology of the Ob' River Basin nearby Surgut. Middle Ages and Modern Times*. Ural'sky rabochiy, Ekaterinburg, 232 p. (In Russ.)
- Ivanov, V.A. 1999, *Ancient Ugrians-Magyars in Eastern Europe*. Gilem, Ufa, 123 p. (In Russ.)
- Ivanov, V.A. 2009, "Once Again about Kushnarenkov-Karayakov Problem", *Srednee Povolzhye i Yuzhnyi Ural: chelovek i priroda v drevnosti. Sbornik nauchnykh statey, posvyashchennyi 75-letiyu doktora istoricheskikh nauk E.P. Kazakova* ("Middle Volga and Southern Urals: Man and Nature in Antiquity. Collection of Scientific Articles Dedicated to the 75th Anniversary of Doctor of Historical Sciences E.P. Kazakov"), Fen, Kazan, pp. 177–196. (In Russ.)
- Ivanov, V.A. 2008, "Is There a Genetic Link between the Carriers of the Kushnarenkovo, Karayakovo and Nevokino Cultures?", *Problemy Bakalskoy kultury* ("Problems of Bakal Culture"), IIA UrO RAN, Chelyabinsk, Shadrinsk, pp. 94–101. (In Russ.)
- Ilyushina, V.V. 2009, "Potchevash Burials from the Vikulovskoe Cemetery Ground Burial Ground", *Vestnik Arkheologii, Antropologii i Etnografii*, no. 10, pp. 74–83. (In Russ.)
- Ilyushina, V.V. 2014, "The technology of pottery manufacturing of the Barkhatovo culture of settlement of Chechkino 4", *Tomsk State University Journal*, № 385, p. 97–101. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/385/16>
- Kazakov, E.P. 2007, *Volga Bulgars, Ugrians and Finns in the 9th–14th centuries: problems of interaction*. II AN RT, Kazan, 208 p. (in Russ.)
- Kazantseva, O.A., Yutina, T.K. 1986, "Ceramics of the Kushnarenkovsky Type of the Blagodatsky 1 Settlement", *Priuralye v drevnosti i srednie veka* ("The Urals in Antiquity and the Middle Ages"), UdGU, Ustinov, pp. 110–129. (In Russ.)

- Konikov, B.A. 2007, *Omsk Irtysh region in the early and developed Middle Ages*. OmGPU, Nauka Omsk, 466 p. (In Russ.)
- Koryakova, L.N., Morozov, V.M., Sukhanova, T.Yu. 1988, "The settlement of Ipkul-XV is a monument of the transition period from the Early Iron Age to the Middle Ages in the Lower Volga region", *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoj Sibiri* ("Material culture of the ancient population of the Urals and Western Siberia"), UrGU, Sverdlovsk, pp. 117–129. (In Russ.)
- Matveeva, N.P., Zykov, A.P., Zelenkov, A.S., Tretyakov, E.A., Bagashev, A.N., Poshekhnova, O.E., Slepchenko, S.M., Alekseeva, E.A., Klima, L., Kuleshov, V.S. 2022, *Western Siberia in the Early Middle Ages: Interaction of Ethnocultural Communities*. TyumGU, Tyumen, 260 p. (In Russ.)
- Mazhitov, N.A. 1977, *The Southern Urals in the 7th–14th centuries*. Nauka, Moscow, 240 p. (In Russ.)
- Mazhitov, N.A. 1981, *The Mounds of the Southern Urals of the VIII–XII centuries*. Nauka, Moscow, 164 p. (In Russ.)
- Matveeva, G.I. 2007, "On the Cultural and Chronological Correlation of the Kushnarenkovsky and Kara-Yakup Sites Types", *Srednevekovaya arheologiya Evrazijskih stepej. Materialy Uchreditel'nogo s'ezda Mezhdunarodnogo kongressa. T. II. Seriya «Arheologiya evrazijskih stepej»* ("Medieval archaeology of the Eurasian steppes. Materials of the Founding Congress of the World Congress of Tatars. Vol. II. Series "Archeology of the Eurasian steppes"), Kazan: II AN RT, pp. 75–86. (In Russ.)
- Matveeva, G.I. 1968, Monuments of the I millennium AD of the left bank of the Belaya River, *Arheologiya i etnografiya Bashkirii*, vol. 3, pp. 113–125. (In Russ.)
- Matveeva, N.P. 2007, "Formation of complexes of kushnarenkov culture in the Trans-Urals", *AB ORIGINE: Problemy genezisa kul'tur Sibiri. Arheolo-go-ethnograficheskij sbornik. Vyp. I* ("AB ORIGINE: Problems of the genesis of Siberian cultures. Archaeological and ethnographic collection. Iss. 1"), Vector Book, Tyumen, pp. 63–75. (In Russ.)
- Matveeva, N.P. 2012, *Kozlovsky burial ground of the Great Migration time*. TumGU, Tyumen, 178 p. (In Russ.)
- Matveeva, N.P. 2016, *Western Siberia in the era of the Great Migration of Peoples (problems of cultural genesis according to funerary monuments)*. TGU, Tyumen, 263 p. (In Russ.)
- Matveeva, N.P. 2021, "On Early Medieval Contacts of the Urals and Western Siberia with Central Asia: The Evidence of Ceramics", *Archeology, ethnography and Eurasian Anthropology*, vol. 49, no. 1, pp. 83–92. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2021.49.1.068-077>
- Matveeva, N.P., Berlina, S.V., Rafikova, T.N. 2008, *Kolovskoye settlement*. Nauka, Novosibirsk, 228 p. (In Russ.)
- Matveeva, N.P., Kobeleva, L.S. 2013, "On the initial components of the early medieval kulturogenet Transural steppe (according to the study of pottery)", *Vestnik arkeologii, antropologii i etnografii*, no. 3, pp. 68–78. (In Russ.)
- Matveeva, N.P., Tretyakov, E.A., Zelenkov, A.S. 2021, "Archaeological Evidence of Migration from the Southern Taiga of Western Siberia to the Urals in the Early Middle Ages: The Vodennikovo-1 Cemetery", *Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, vol. 49, no. 4, pp. 91–99. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2021.49.4.091-099>
- Mel'nicuk, A.F., Pereskokov, M.L. 2013, "Ceramics of the Nizhneobsky appearance on the monuments of the northern Kama region", *Tomsk State University Journal of History*, no. 3 (23), pp. 249–253. (In Russ.)
- Mogil'nikov, V.A. 1987, "Forest-steppe Trans-Urals", *Arheologiya SSSR. Finno-ugry i balty v epohu srednevekov'ya* ("Archeology of the USSR. Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages"), Nauka, Moscow, 512 p. (In Russ.)
- Mogil'nikov, V.A., Konikov, B.A. 1983, "Burial ground of the Potchevash culture in the Middle Irtysh region", *Sovetskaia arkeologiya*, no. 2, pp. 162–182. (In Russ.)
- Morozov, V.M. 2003, "Bakal Culture, Baikal Type of Monuments: To History of Study", *Mezhdunarodnoe (17 Uralskoe) arkheologicheskoe soveshchanie: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* ("International (17th Ural) Archaeological Meeting: Materials of the International Scientific Conference"), Perm, pp. 166–167. (In Russ.)
- Moshinskaya, V.I. 1953, "Settlement and Mounds of Potchevash (To the Question of the Potchevash Culture)", *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priobya* ("Ancient History of the Lower Ob region"), AN USSR, Moscow, pp. 189–221. (MIA. No. 35) (In Russ.)
- Mylnikova, L.N. 2014, "Studying the Forms of Ancient Ware: Theoretical and Practical Aspects", *Archeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, no. 2, pp. 33–43. (In Russ.)
- Ovsyannikov, V.V. 2020, "Monuments of Bakal Culture in the North-East of Bashkiria", *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Velikoe pere-selenie narodov: dialog kultur. Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii* ("Ethnic Interactions in the Southern Urals. The Great Migration of Peoples: Dialogue of Cultures. Materials of the 8th International Scientific Conference"), ChelGU, Chelyabinsk, pp. 148–156. (In Russ.)
- Ovchinnikova, B.B. 1986, "About Trans-Ural Monuments of the Sylven Cultural Community of the End of the 1st – beginning of the 2nd Millennia AD", *Ranniy zheleznyi vek i srednevekovye Uralo-Irtyshskogo mezhdurechya* ("Early Iron Age and the Middle Ages of the Ural-Irtysh Interfluve"), ChelGU, Chelyabinsk, pp. 133–143. (In Russ.)
- Rafikova, T.N. 2011, *Bakal Culture of the Forest-Steppe and Subtaiga Tobolo-Ishimya. Dissertation abstract ... Candidate of Historical Sciences*. Tyumen, 24 p. (In Russ.)
- Skandakov, I.E., Danchenko, E.M. 1999, "Burial Mound of Ust-Tara 7 in the Southern Taiga Irtysh Region", *Humanitarian knowledge. Succession Series: Yearbook*. Iss. 3, OmGPU, Omsk, pp. 160–186. (In Russ.)
- Sultanova, A.N. 2000, *Birsky Burial Ground: Historical and Archaeological Characteristics. Dis-*

- sertation ... Candidate of Historical Sciences.* Ufa, 225 p. (In Russ.)
- Fedorova, N.V., Zykov, A.P. 1991, “Priobie in the Middle Ages”, *Voprosy arheologii Urala*, UrGU, Ekaterinburg, pp. 126–145. (In Russ.)
- Tsembalyuk, S.I. 2016, *Baitovskaya culture of the beginning of the early Iron Age in the forest-steppe Tributary. Dissertation abstract ... Candidate of Historical Sciences*, Tyumen, 20 p. (In Russ.)
- Tsetlin, Yu.B. 2012, *Ancient Ceramics. Theory and Methods of Historical-and-Cultural Approach*. IA RAN, Moscow, 384 p. (In Russ.)
- Chagaeva, A.S. 1973, “Burial Grounds in the Vicinity of the Village of Aitkulovo, Omsk Region”, *Iz istorii Sibiri: Voprosy arkheologii i etnografii Zapadnoy Sibiri. Vyp. 5* (“From the History of Siberia: Issues of Archeology and Ethnography of Western Siberia. Iss. 5”), TomGU, Tomsk, pp. 103–119. (In Russ.)
- Chernetsov, V.N. 1957, “Lower Ob River Region in the 1st Millennium A.D”, *Kultura drevnikh plemyon Priuralya i Zapadnoy Sibiri* (“Culture of Ancient Tribes of the Urals and Western Siberia”), AN SSSR, Moscow, pp. 136–245. (MIA. No. 58) (In Russ.)
- Chindina, L.A. 1991, *History of the Middle Ob region in the early Middle Ages (the Relka culture)*. TomGU, Tomsk, 179 p. (In Russ.)
- Chindina, L.A. 1977, *The Relka Burial Mound in the Middle Ob Region*. TomGU, Tomsk, 192 p. (In Russ.)
- Chikunova, I.Yu., 2017, “Ipkul’sky Burial Ground (Results of the 2010–2011 Excavations)”, *AB ORIGIN: arkheologo-etnographicheskiy sbornik. Vyp. 9* (“AB ORIGIN: Archaeological-Ethnographic Volume. Iss. 9”), TumGU, Tumen, pp. 79–110. (In Russ.)

Сведения об авторе

Александр Сергеевич Зеленков, кандидат исторических наук, Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет, Российская Федерация, г. Тюмень. E-mail: qvimen@hotmai.com, ORCID: 0000-0001-6257-119X

Information About the Author

Alexander S. Zelenkov, Ph.D., Institute of Social and Humanitarian Sciences, University of Tyumen, Russian Federation, Tymen, E-mail: qvimen@hotmail.com, ORCID: 0000-0001-6257-119X